

Т.Н. Андреюшкина

© Андреюшкина Т.Н., 2023

ПРЕТЕКСТЫ «ИНВЕНТАРИЗАЦИИ» ГЮНТЕРА АЙХА

Аннотация. В статье рассматриваются несколько стихотворений-претекстов «Инвентаризации» Г. Айха, стиль которых сравнивается с написанными в то же время стихотворениями Айха «16-й лагерь» и «Рецепт оладьев». С одной стороны, претекстами «Инвентаризации» могли быть одноименное сюрреалистическое стихотворение Ж. Превера и «Инвентарь» периода миграции Маши Калеко. С другой стороны, образцом для Айха могли стать и военные песни В. фон Нибельшютца и Й. Вайнхебера. Но главным претекстом «Инвентаризации» является стихотворение Р. Вайнера 1916 г. В статье анализируются три перевода «Инвентаризации» (И. Фрадкина, В. Биbihина и Ю. Лившица) с точки зрения сохранения в них поэтологического характера стихотворения Айха. Представлены также несколько трансформированных вариантов «Инвентаризации» Айха в творчестве Г. Рюма, К. Драверта, Р. Гернхардта и Х.М. Энценсбергера. Историко-литературный и сравнительно-сопоставительный методы исследования позволили продемонстрировать основные характеристики лирического жанра инвентаризации, его актуальность не только в переходный период смены литературных направлений и становления нового художественного языка в послевоенный период, но и в современной поэзии, сохраняющей предшествующие поэтические традиции.

Ключевые слова: инвентаризация; поэтологическое стихотворение; претекст; художественный перевод; поэтические трансформации; Гюнтер Айх.

Получено: 03.08.2023

Принято к печати: 01.09.2023

Информация об авторе: Андреюшкина Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Тольяттинского государственного университета, ул. Белорусская, 14, 445020, Тольятти, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2818-983X>

E-mail: andr8757@mail.ru

Для цитирования: Андреюшкина Т.Н. Претексты «Инвентаризации» Гюнтера Айха // Литературоведческий журнал. 2023. № 4(62). С. 53–77. DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.04

Tatiana N. Andreyushkina

© Andreyushkina T.N., 2023

PRETEXTS OF GÜNTER EICH'S *INVENTORY*

Abstract. The article discusses several poems-pretexts of *Inventory* by Günter Eich, the style of which is compared with the poems of Eich written at the same time: *Camp 16* and *Recipe for Pancakes*. On the one hand, the pretexts of *Inventory* could be the surrealist poem of the same name by Jacques Prévert and Masha Kaleko's *Inventory* of the migration period. On the other hand, the military songs of Wolf von Nibelschütz and Josef Weinheber could also become a model for Eich. But the main pretext of the *Inventory* is the poem written in 1916 by Richard Weiner. The article analyzes three translations of Eich's *Inventory* (I. Fradkin, V. Bibikhin and Yu. Livshits) from the point of view of preserving the poetological nature of Eich's poem in them. Also several transformed versions of Eich's *Inventory* in the works of G. Rühm, K. Dravert, R. Gernhardt and H.M. Enzensberger are presented. Historical-literary and comparative methods of research made it possible to demonstrate the main characteristics of the lyrical genre of inventory, its relevance not only in the transitional period of changing literary trends and the formation of a new artistic language in the post-war period, but also in modern poetry, which preserves previous poetic traditions.

Keywords: inventory; poetological poem; pretext; literary translation; poetic transformations; Günter Eich.

Received: 03.08.2023

Accepted: 01.09.2023

Information about the author: Tatiana N. Andreyushkina, DSc in Philology, Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Togliatti State University, Belorusskaya Street, 14, 445020, Togliatti, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2818-983X>

E-mail: andr8757@mail.ru

For citation: Andreyushkina, T.N. "Pretexts of Günter Eich's *Inventory*". *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 4(62), 2023, pp. 53–77. (In Russ.) DOI: 10.31249/litzhur/2023.62.04

Стихотворение Гюнтера Айха (*Günter Eich*, 1907–1972) «Инвентаризация» было написано в последний год войны, хотя опубликовано позже, и сразу стало хрестоматийным по нескольким причинам. Айх, принимавший участие в войне и оказавшийся после войны в американском лагере, с одной стороны, выступает в роли типичного лирического героя, который совершает расчет с прежней солдатской жизнью и проводит инвентаризацию того, с чем он выходит в новую мирную жизнь. По этой причине Й. Фогт называет «Инвентаризацию» «лагерным стихотворением» [16, S. 91]. С другой стороны, Айх, участник «Группы 47», стал представителем новой литературы, а его стихотворение, которое относится к поэтологическим стихотворениям, явилось стилеобразующим для нового поколения поэтов.

Dies ist meine Mütze,
dies ist mein Mantel,
hier mein Rasierzeug
im Beutel aus Leinen.

Это моя шапка,
а это пальто,
здесь моя бритва
в холщевом мешке.

Konservenbüchse:
Mein Teller, mein Becher,
ich hab in das Weißblech
den Namen geritzt.

Консервная банка
служит чашкой и кружкой,
на этой светлой жестянке
нацарапал я свое имя.

Geritzt hier mit diesem
kostbaren Nagel,
den vor begehrlischen
Augen ich berge.

Нацарапал этим
бесценным гвоздем,
который прячу
от завистливых глаз.

Im Brotbeutel sind
ein Paar wollene Socken
und einiges, was ich
niemand verrate,

В хлебном мешке
пара шерстяных носков
и еще кое-что, о чем
никому не скажу,

so dient es als Kissen
nachts meinem Kopf.
Die Pappe hier liegt
zwischen mir und der Erde.

Die Bleistiftsmine
lieb ich am meisten:
Tags schreibt sie mir Verse,
die nachts ich erdacht.

Dies ist mein Notizbuch,
dies meine Zeltbahn,
dies ist mein Handtuch,
dies ist mein Zwirn [12, S. 35–36].

и что служит мне ночью
подушкой.
А эта картонка
лежит между мной и землей.

Огрызок карандаша
люблю я больше всего:
днем я пишу им стихи,
что сочиняю ночью.

Это мой блокнот,
это плащ-палатка,
это полотенце,
а это мои нитки¹.

Целью данной статьи является показать, какие стихотворения стали стилиобразующими для «Инвентаризации» Айха. Главным претекстом ее можно назвать стихотворение «Жан Баптист Шарден» (*Jean Baptiste Chardin*) Рихарда Вайнера (*Richard Weiner*, 1884–1937), рожденного в Австро-Венгрии еврейско-чешского писателя, поэта и журналиста. Вайнер изучал химию в Праге, Цюрихе, Ахене, с 1912 г. был журналистом чешской газеты в Париже. В 1914 г. попал на сербский фронт, в 1915 г. был признан негодным к военной службе в связи с нервным заболеванием, после чего вернулся к работе в пражской газете. Первая публикация его коротких рассказов появилась в 1916 г. В 1919 г. он вернулся в Париж, а в 1936 г. больной раком желудка вернулся умирать в Прагу. Его могила в родном городе на юге Чехии была разрушена во время одного из погромов в период Второй мировой войны. Критики сравнивали Вайнера с Кафкой, называли странным, загадочным писателем, выразившим боль своего поколения. Склонность Вайнера к пограничным ситуациям делает его писателем, стоящим между сюрреализмом и экзистенциализмом.

¹ Здесь и далее без указания имени переводчика перевод выполнен автором статьи.

Dies ist mein Tisch,
Dies meine Hausschuh,
Dies ist mein Glas,
Dies ist mein Kännchen.

Это мой стол,
Это мои тапки,
Это стакан,
А это чайник.

Dies meine Etagere,
Dies meine Pfeife,
Dose für Zucker,
Großvaters Erbstück.

Это этажерка,
Это моя трубка,
Вазочка для сахара –
Дедушкино наследство.

Dies ist mein Esszimmer,
Dies meine Ecke,
Dies ist mein Hund,
Dies meine Katze.

Это столовая,
Это мой уголок,
Это моя собака,
А это кошка.

Hier ist mein Wedgewood,
Dort ist mein Sevrès.
Das lustige Bildchen,
Fragos Geschenk.

Это мой веджвуд,
Там мой севр.
Веселая картинка –
Подарок Фраго.

Bläuliche Schalen
Hab ich sehr gern.
Blumen am Fenster
Liebe ich sehr.

Голубые чашки
Я очень люблю.
Цветы на окне
Я тоже люблю.

Fuchsien aber
Seh ich am liebsten.
Meine Charlotte
Lieber den Flieder.

Но больше всего
Я люблю фуксии.
А моя Шарлотта –
Любит сирень.

Täglich um elfe
Frühstücken wir.
Abends um achte
Deckt man zu Tisch.

Утром в одиннадцать
У нас завтрак.
Вечером в восемь
Накрывают на стол.

Esse am liebsten
Spargel mit Sauce,
Wildpret auf Pfeffer,
Erdbeer mit Creme.

Больше всего люблю
Спаржу под соусом,
Мясо с перцем,
Землянику со сливками.

Und die Charlotte
Liebet ihre Austern,
Hühnchen auf Schwammerln,
Hummerragout.

А Шарлотта
Любит устрицы,
Жареную курочку
И из омаров рагу.

Gut ist's zu Hause,
Sehr gut zu Hause,
Dies meine Ecke,
Dies meine Hauschuh.

Как хорошо дома,
Ну, очень хорошо,
Это мой уголок,
Это мои тапки.

Glattes Email
Glanzüberquillt.
Dies ist mein Weib.
Dies ist mein Bild [14, S. 117].

Гладкая эмаль
Сверкает блеском.
Это моя жена.
Это моя картина.

Эти 11 четырехстиший, переведенных на немецкий язык Й.В. Лёвенбахом, могли вдохновить Айха на создание его «Инвентаризации» как своей формой, так и ироничным взглядом на вещи. Первое, что сближает оба текста – это чередование катренов с описанием бытовых предметов, окружающих лирического героя в его будничной жизни. Название стихотворения Вайнера апеллирует к жанровым картинам Жана Баптиста Шардена (1699–1779). Натюрморты, бытовые сцены из жизни третьего сословия, портреты французского художника XVIII в. были отмечены естественностью образов, мастерской передачей света и воздуха, материальности предметов. Среди картин Шардена нет той, что так подробно описана Вайнером, понятно, что это собирательный образ жанровой картины в стиле Шардена, созданный поэтом, на что указывает последняя строка в его стихотворении («это моя картина»).

В большей степени созданная Вайнером бытовая картинка напоминает идиллический экфрасис в духе бидермейера, что не имело ни малейшего отношения к холостяцкой жизни чешского поэта и может восприниматься как пародия на филистерский образ жизни. Обращает на себя внимание сходство повторов в текстах Вайнера и Айха таких конструкций, как *dies ist mein...*, *hier ist...*, *... lieb ich am meisten / seh ich am liebsten*. Главное отличие двух стихотворений состоит в том, что в стихотворении Вайнера в основном описывается устроенный мещанский быт

героя и вещи, связанные со столовой и едой, а у Айха – маломальски обустроенный солдатский быт в плену. Однако и у Айха есть стихотворение «Рецепт оладьев», в котором он описывает приготовление оладьев в плену.

Die Trockenmilch der Firma Harrison Brothers, Chikago,
das Eipulver von Walkers, Merrymaker & Co., Kingstown, Alabama,
das von der deutschen Campführung nicht unterschlagene Mehl
und die Zuckerration von drei Tagen
ergeben, gemischt mit dem gut gechlorten Wasser des Altvaters Rhein,
eines schönen Pfannkuchenteig.
Man brate ihn in der Schmalzportion für acht Mann
auf dem Deckel einer Konservenbüchse und über dem Feuer
von lange gedörrtem Gras.

Wenn ihr ihn dann gemeinsam verzehrt,
jeder sein Achtel,
oh, dann spürt ihr, wenn er auf der Zunge zergeht,
in einer üppigen Sekunde das Glück der geborgenen Kindheit,
wo ihr in die Küche euch schlichtet, ein Stück
Teig zu erbetteln in der Vorweihnachtszeit,
oder ein Stück Waffel, weil Besuch gekommen war am Sonntagnachmittag,
spürt ihr in der schnell vergangenen Sekunde allen
Kuchenduft der Kinderjahre, habt noch einmal
fest gepackt den Schürzenzipfel der Mutter,
o Ofenwärme, Mutterwärme – [...] [10, S. 331–332]

Сухое молоко фирмы братьев Гаррисон, Чикаго,
яичный порошок Уокер, Мерримейкер энд Компании,
Кингстаун, Алабама,
не растасканная немецким командованием лагеря мука
и трехдневный рацион сахара
дают, замешанные на густо хлорированной воде дедушки Рейна,
прекрасное тесто для оладьев.
Жарьте его в порции смальца для восьми человек
на крышке от большой консервной банки, над костром
из давно высохшей травы.

Когда потом вы вместе поедаете все,
каждый свою восьмушку, – о, когда она тает на языке, вы ощущаете
в какую-то роскошную секунду счастье затаенного детства,
где вы прокрадываетесь на кухню, чтобы
выпросить кусочек теста в канун Рождества,
или кусочек вафли, потому что в это воскресенье были гости:
в мимолетную секунду вы ощущаете все кухонные запахи детских лет,
еще раз крепко вцепляетесь в подол материнского передника –
о, печное тепло, материнское тепло – [...] [5, с. 330]

В отличие от инвентарно-бидермейеровского стиля Вайнера в этом стихотворении при всей убогости солдатской кухни дана реалистически яркая картина приготовления оладьев, с конкретным названием ингредиентов. В ней через запахи и вкусовые ощущения героя по-импрессионистски наглядно переданы забытые чувства, связанные с домом, материнским теплом, детством. Конечно, форма стихотворения больше напоминает прозу, чем инвентарный стиль Вайнера или самого Айха в «Инвентаризации».

Приведем еще одно стихотворение Айха, написанное им в плену, чтобы показать отличие стиля «Инвентаризации», которая воспринимается, учитывая ее сходство со стихотворением Вайнера, скорее пародией на последнее, чем стихотворением поэта пейзажной лирики Айха. Стихотворение «16-й лагерь» может дать нам представление о стиле Айха, свойственном его довоенной лирике, сформировавшейся под влиянием пейзажной лирики Оскара Лёрке (*Oscar Loerke*, 1884–1941) и Вилли Лемана (*Willy Lehmann*, 1884–1942).

Вижу прямо перед собою
за колючей проволокой Рейн.
Земляное жилище строю,
палатки не имея своей.

Нет у меня и одеяла,
в Опладене осталась шинель.
Ощушаю, что товарищей не стало,
залезая в узкую щель.

Постелью мне клок люцерны.
Ночью говорю с одним собой.
Смутно шепчутся волны Рейна.
Сиянье звезд над головой.

Люцерна скоро завянет.
Небо стало черней земли.
В шуме Рейна тех слов не станет,
что меня убаюкать могли.

За дождем ничего не увижу,
не спасет земляной кров;
растопчут в дорожную жижу
весеннюю зелень лугов.

Ах, под дождем с грозой
товарищей не найдешь,
рады дружить со мною
только червь земляной и вошь [5, с. 321].

Стихотворение, в отличие от гетероморфных строк и свободного ритма «Рецепта оладьев», написано привычными рифмованными четверостишиями с трехстопным дактилическим размером. Форма стиха, краткость предложений, совпадающих с длиной строк, отсутствие эпитетов напоминают «Инвентаризацию». Но в отличие от «Инвентаризации», в этом стихотворении у пленного солдата нет и самых необходимых вещей (плащ-палатки, шинели, одеяла, карандаша). Здесь чувствуется отчаяние одиночества, но при этом в тексте упоминаются топосы пейзажной поэзии: «зелень лугов», «сиянье звезд над головой», «шептание волн Рейна», чего нет в «Инвентаризации».

Кроме стихотворения Вайнера претекстами «Инвентаризации» можно назвать стихотворения Йозефа Вайнхебера (*Josef Weinheber*, 1892–1945) и Вольфа фон Нибельшютца (*Wolf von Nibelschütz*, 1913–1960), в которых имеет место размышление о системе вещей. Австрийский поэт Й. Вайнхебер, отмеченный премиями при власти нацистов и покончивший жизнь самоубийством в конце войны, был фигурой неоднозначной. Он работал с разно-

образными лирическими формами. Так, в «Хороводе» (*Der Reigen*, 1942) Вайнхебера преобладает список явлений природы (*бабочка, косуля, цветок, звезда, земля, дерево*), хотя их следовало ожидать именно у Айха, сформировавшегося в традиции натурмагической лирики. Общим у обоих является отношение к слову – для обоих это самая святая вещь.

Meine Dinge sind fromm. [...]
Hier ist Falter und Reh.

Мои вещи от бога. [...]
Вот бабочка и косуля.

Hier ist Blume und Stern. [...]
Hier ist heiliges Land. [...]

Вот цветок и звезда. [...]
Вот святая земля. [...]

Denn das Wort ist ein Hort,
und den Tod überwands.

Потому что слово укрытие,
и оно преодолело смерть.

Hier ist Ursprung und Ziel.
Hier ist heiliger Ort,

Вот исток и цель.
Вот святое место.

hier ist Boden und Baum. [...]
Meine Dinge sind fromm. [9, S. 316–317]

Вот земля и дерево. [...]
Мои вещи от бога.

7-строфное стихотворение Вайнхебера «В траве» (*Im Grase*, 1936) своей формой: 3-стопными трохеями, лирическими формулами, повторами и звукописью, совпадением краткого предложения со строкой, а также религиозными ассоциациями – могло быть претекстом «Инвентаризации» Г. Айха.

as ist deine Stille.
Ja, ich hör dich schon.
Salbei und Kamille,
Thymian und Mohn. [9, S. 318]

Это твоя тишина.
Да, уже слышу тебя.
Шалфей и ромашка,
Тимьян и мак.

«Простые вещи: песни солдата» (*Die schlichten Dinge. Lieder eines Soldaten*, 1941) В. фон Нибельшютца. В терцетах Нибельшютца показан внутренний спор в душе музыканта. Он – арфист в традиции Гёте, вынужденный стать солдатом, но песня в его сердце еще живет, а его сын уже рождается солдатом.

Вернемся к стихотворению Айха и рассмотрим несколько его переводов стихотворения, чтобы лучше понять смысл.

«Вот моя шапка, / А это – шинель. / Прибор для бритья / В холщевом мешочке. // Консервная банка – / Стакан и тарелка. / Я имя мое / Нацарапал на жести. // Нацарапал вот этой / Драгоценной иголкой, / Которую прячу / От завистливых глаз. // В сумке для хлеба / Шерстяные носки / И еще кое-что, / А что – не скажу. // По ночам эта сумка / Мне служит подушкой, / А клеенку стелю я / Между землею и мной. // Больше всего / Я люблю карандаш: / Днем он пишет стихи, / Что я ночью придумал. // Вот мой блокнот. / Вот мои нитки. / Вот мой плащ-палатка. / Вот мое полотенце» [6, с. 46].

В переводе И. Фрадкина хотелось бы обратить внимание на две вещи: Айх имеет в виду не иголку (*die Nadel*), а гвоздь (*der Nagel*). Понятно, что иголка возникает по ассоциации с нитками, которые упоминаются в последней строфе. Но со словом «гвоздь» связаны такие смыслы, как: *einen Nagel im Kopfe haben* (*быть гордым*), *die Uniform an den Nagel hängen* (*оставить военную службу*), *ans Kreuz nageln* (*распять на кресте*), *Nagelmale* (*стигмы распятого Христа*). Вторая поправка касается слова *die Pappe* – это не «клеенка», а «картон», «папка», «обложка книги».

Существует также перевод В.В. Бибихина:

«Это моя фуражка, / это моя шинель, / здесь в полотняном футляре/ мой станок для бритья. // Консервная банка: / моя тарелка, мой бокал, / на луженой жести / я нацарапал имя. // Нацарапал вот этим / драгоценным гвоздем, / который я прячу / от завистливых глаз. // В сумке для хлеба / пара шерстяных носков / и кое-что, мною / никому не показываемое. // Все вместе мне ночью служит / подушкой голове. / Здесь лежит картон / между мной и землею. // Графит от карандаша – / самое мое любимое; / днем он мне пишет стихи, / придуманные ночью. // Это моя записная книжка, / это моя плащ-палатка, / это мое полотенце, / это мои нитки» [5, с. 320–321].

В этом переводе появились и «гвоздь», и «картон», но выбивающимися из лаконичного стиля Айха стали два причастия: «не показываемое» и «придуманные», а также несколько неуклюжее звучащее «Все вместе мне ночью служит / подушкой голове» – два дополнения в дательном падеже излишни.

В феврале 2020 г. Юрий Лифшиц сделал еще один перевод «Инвентаризации»:

«Вот моя фуражка, / вот моя шинель, / вот моя бритва / в сум-
конной тряпице. // Консервная банка: / вот моя кружка и миска, /
на жести имя мое / я нацарапал. // Нацарапал моим / бесценным
гвоздем, / от глаз завидующих / я прячу его. // В моем подсумке пара
/ носков шерстяных / и что-то, о чем / не скажу никому, // и это
подушкой / мне служит ночами, / картон мой – граница / меж мной
и землей. // Нужней всего грифель: / днем он кропает / стихи, что
ночами / я составляю. // Вот мой блокнот, / вот мой дождевик, / вот
мой утиральник, / вот моя дратва» [7].

В этом переводе, приближенном к «солдатскому» языку, много слов, далеких от литературного стиля Айха: *тряпица*, *кружка*, *миска*, *подсумок*, *утиральник*, *дратва*. Но особенно серьезные возражения вызывает слово «кропает» вместо «пишет». Тем самым Лифшиц в большей степени характеризует солдата, чем поэт Айха. Он не учитывает смыслы, которые заложены, на первый взгляд, в простых словах стихотворения, созвучных другим, не менее важным словам для немецкой поэзии: Mine (*графитный стержень карандаша; мина*) – Minne (*любовь*), Mütze (*шутовской колпак*) – Mützer (*землеройка*). Большие сомнения вызывает использование слова «дратва», вытесняющего слово «нитки» в конце стихотворения, поскольку в немецком языке со словом «нитки» образованы такие идиоматические выражения, как: er hat Zwirn (*он на выдумку горазд, у него много идей*).

Возвращаясь от переводов к собственно тексту Айха, следует констатировать, что поэт уловил дух послевоенной литературы, которая в период разрухи после поражения должна была помочь возвращающимся с войны солдатам обрести опору в жизни, чтобы начать жить сначала. Не случайно Й. Фогт сравнивает «Инвентаризацию» Айха с «Фугой смерти» Пауля Целана и определяет его не только как стихотворение «после Освенцима» (Теодор Адорно), но и как стихотворение «после Сталинграда» [16, S. 87]. Тем, кто потерял в войну почти все и возвращался в материальную и духовную пустоту, хотелось остановить свой взгляд на простых предметах, которые необходимы каждому человеку. Поэтому сухое перечисление основных вещей ежедневного обихода было тем, что могло обеспечить изначальное скудное существование, а

также обретение индивидуальности. Это проявляется в определениях, содержащих оценку: «драгоценная иголка», которой владеет лирический герой, царапая свое имя на банке, и «завистливые глаза» людей, которым процесс самоидентификации еще только предстоит.

Стихотворение Айха, описывающее инвентарь солдата, вернувшегося с фронта (шапка, шинель, чашка, кружка и т.д.), может служить примером тайного использования алфавита². Это чрезвычайно просто написанное стихотворение содержит в основном существительные (25 по количеству букв алфавита), называющие вещи на 15 букв алфавита. Таким образом, если следовать мысли об алфавите как картине мира, то в этом стихотворении показывается как бы половина мира, а вторая половина оказывается утраченной в войну и в плену.

Особое место в «Инвентаризации» Айха занимают слова, имеющие отношение к процессу письма. Лирическим героем выделяется «карандашный графитный стержень», но это слово имеет также значение «мина», что в послевоенной ситуации немало важно, сложное слово, усиливающее словосочетание «драгоценная иголка». Иголка позволяет пометить личные вещи, которые перечисляются в начале стихотворения; карандаш позволяет не только выразить свои мысли и чувства, служащие для общей ориентации героя в окружающем мире, но и записать стихи, придуманные ночью (поэтому и слово «записная книжка» стоит в последней строфе на первом месте). Отдельные, перекликающиеся между собой слова первой и последней строф, образующие раму стихотворения, имеют расширительное значение: слово «нитки» может содержать упоминание о писательской работе, так как ткачество

² Алфавит в 119-м псалме Библии под названием «Золотой алфавит» понимается как некая целостность, отражение мира в принятом порядке божественного творения. Переводя этот тезис на язык поэзии, предположим, что алфавит представляет собой некий способ организации, упорядочивания материала, установления порядка художником в соответствии со своим мировоззрением в рамках божественного творения, а в нериторическую эпоху – и выходя за эти рамки. Использование алфавита как модели божественного мироустройства отражало движение от целостного восприятия миропорядка, по которому строилось общество в риторические эпохи, до диффузного его изображения, которому соответствуют элементы разного рода усечения алфавита в новую эпоху.

всегда связывалось с поэтическим трудом (Meister Zwirn – пре-небр. «портной»), так и нити Ариадны, которая помогла Тезею выбраться из лабиринта.

Творчество Айха, представителя герметической поэзии, широко использующего мифологические мотивы и библейскую метафорику, которая угадывается и в этом стихотворении, допускает метафорическое толкование анализируемого стихотворения. Предположение, что разбитое на краткие строки 28-строчное стихотворение может быть прочитано как 14-строчный сонет, подтверждает факт герметичности его формы и содержания. Г. Дрюг видит в стихотворении парадигму сапфической оды [11, S. 354], Й. Ценке считает его эквивалентом нибелунговой строфы (эпического четырехстишия с использованием аллитерационного стиха, которым написана средневековая «Песнь о Нибелунгах») [16, S. 99], Й. Фогт определяет его жанр как «крипто-сонет» [16, S. 101]. Айх, перу которого принадлежит не один сонет, создал простое и непритязательное стихотворение, отличающееся герметичностью художественной формы, что обеспечило ему продолжительную жизнь. Не случайно «Инвентаризация» Айха, в свою очередь, послужила претекстом для стихотворений многих других авторов (Ханц Магнус Энценсбергер, Роберт Гернхардт и др.).

Продолжая наши наблюдения, связанные с предполагаемым знакомством Айха с традициями французского сюрреализма, заметим, что Айх мог знать и стихотворение Жака Превера «Инвентаризация», потому что многие из стихотворений французского поэта печатались в журналах. В одноименном стихотворении Превера Айха могло привлечь отсутствие лирической исповедальности (не случайно последующие сборники Превера называются «Всякая всячина» (1966), «Вещи и прочее» (1972). В 1970-е годы в Германии тенденция к описанию повседневности в поэзии нашла свое выражение в «новой субъективности», которая уходит корнями в предвоенную поэзию «новой деловитости». «Заостряя эту черту, некоторые французские критики утверждали, что Превер ввел в поэзию местоимение “он” вместо “я” и занял позицию наблюдателя – ироничного, проницательного, сопрягающего разноречивые факты не для того, чтобы выразить свои ощущения, а просто чтобы “отстраненно” показать: вот что происходит с вами» [4, с. 310].

Сходная позиция просматривается и в стихотворении «Инвентарь» Маши Калеко (1907–1975), где нет героя, а есть только вещи и явления во взаимосвязи с этими вещами, что не мешает автору создать потрясающую по проникновенности картину жизни эмигранта [1].

Айх, в отличие от Превера и Калеко, с одной стороны, продолжает жанр криптограммного сонета, подключаясь к классической жанровой традиции, с другой стороны, он, как и Калеко, использует скупые средства, характерные как для поэзии «новой деловитости», так и для других экспериментальных направлений – дадаизма, сюрреализма и конкретной поэзии. Для поэзии Превера в целом и для «Инвентаризации» в частности (так же, как для Айха и Калеко) характерно широкое использование анафоры, аллитерации, ассонанса вместо отсутствующих рифм. Строки начинаются с одного и того же слова, меняется лишь их финал, и с каждой новой единицей нарастает сила гиперболы. Повтор особенно характерен для жанра «инвентаризации». Он играет роль своеобразного поэтического рефрена, проигрывая исходный мотив как бы в ином регистре, усиливая его звучание, обнажая внутренний драматизм и поднимая отдельный предмет, случай или ситуацию до уровня обобщения.

Проанализированные выше стихотворения, при определенном сходстве, которое им обеспечивает принадлежность к одному жанру, являются уникальными также и в творчестве каждого из поэтов. Стихотворения написаны в «пограничной ситуации», когда их авторы искали новые способы выражения, новый, лаконичный язык, завуалированно опираясь на существующие поэтические формы. Таким образом, объединяющей их чертой, помимо дескриптивности, явилось своеобразное выражение отношения каждого из авторов к слову, к поэтическому ремеслу, что относит все анализируемые стихотворения к жанру поэтологического стихотворения [2]. Особое место среди проанализированных стихотворений занимает «Инвентаризация» Айха, по праву названная Й. Фогтом «эпохальным стихотворением» [16, S. 87].

Ряд подражаний, для которых, в свою очередь, «Инвентаризации» Айха является претекстом, открывает стихотворение Герхарда Рюма «Кое-что» (*Einiges*, 1970), написанное в русле «новой субъективности». О том, что стихотворение продолжает традицию

поэтологических стихотворений, посвященных писательскому труду, свидетельствуют такие его образы, как стол, пишущая машинка, ручка, записная книжка, папка, бумага, стихотворение. Таким образом, в нем не только частично цитируются Гюнтер Айх и Эрнст Яндль («den mind öffnen und schließen»), но и прокладывается дорога к поэтологическим инвентаризациям Курта Драверта и Роберта Гернхардта. Уже известный перечислительный ряд дополнен такими предметами, как открытая пачка сигарет, наполовину заполненная бутылка вишневого рома, старая папка (только автор знает, что в ней: а это почти прямая цитата из Айха. – Т. А.). Кроме того, читатель узнает, что автор пишет стихотворение под названием «Февраль», действие происходит в час дня и герой предвкушает обед.

auf dem tisch
 ist ein graues tuch
 darauf ein geöffnetes päckchen mit zigaretten
 glänzendes gelb zerrissenes blau
 daneben eine halbvolle flasche inländer kirschrum
 (österreichisches erzeugnis)
 davor die schreibmaschine mit meinen fingern
 links daneben ein kugelschreiber
 ein notizheft (orangefarben)
 darunter ein weißes blatt papier mit einem gedicht
 titel februar
 daneben (schon am rande des tisches) eine abgenützte mappe
 sie ist geschlossen (aber ich weiß was sie enthält) [...] [9, S. 704]

«на столе / серая скатерть / на ней открытая пачка сигарет / картинка на которой с блестящей желтизной и разорванной голубизной / рядом наполовину пустая бутылка с вишневым ромом / (австрийский продукт) / перед ней пишущая машинка с моими пальцами / рядом слева ручка / записная книжка (оранжевого цвета) / под ней белый лист бумаги со стихом / называется “февраль” / рядом (почти на краю стола) старая папка / она закрыта (но я знаю, что в ней)».

Стихотворение Рюма написано без знаков препинания, без прописных букв, строки разной длины образуют единый текст

без деления на строфы. Самая длинная строка в середине стихотворения делит его на две части. Особенностью текста является наличие четырех комментариев, данных в первой части в скобках. Стихотворение начинается двумя и заканчивается тремя короткими строками, что придает ему рамочную конструкцию. Кроме того, внутри стихотворения находятся высказывания, начинающиеся с красной строки. Тем самым выделяется список вещей, их расположение на столе (*на нем, рядом, перед бутылкой, под книжкой*). Таким образом, в стихотворении цитируется и «длинное стихотворение» поэтов «новой субъективности» и уже упоминавшиеся приметы «конкретной поэзии», представителем которой автор в свое время был, а также герметической поэзии Айха (см.: [3, с. 170–171]).

Стихотворение Курта Драверта «Вторая инвентаризация» (1986) с посвящением в эпиграфе Г. Айху также относится к ряду стихотворений, инспирированных «Инвентаризацией» последнего. Как и в стихотворении Рюма, описание начинается со стола.

Ein Tisch.
Ein Stuhl.
Ein Karton für altes Papier, Abfälle,
leere Zigarettenschachteln, Briefe,
die keiner Antwort bedürfen.
3 Meter entfernt: Ein Schrank.
Ein Tisch.
Ein Stuhl.
Ein Karton
für Notizen, Belege, Rechnungen.
Das Bett. [...]
Zerknüllte Seiten, begonnene und verlorene
Sätze, die Schreibschine. [9, S. 712]

«Стол. / Стул. / Коробка для ненужных бумаг, мусора, / пустых сигаретных пачек, писем, / на которые не нужно отвечать. / 3 метра далее: шкаф. / Стол. / Стул. / Коробка / для записок, бумаг, счетов. / Кровать [...]. / Скомканные страницы, начатые и потертые / предложения, пишущая машинка».

В стихотворении дается описание комнаты с помощью свободного расположения слов на странице, словно отражающих размещение предметов в комнате. Вместе с тем конфигурация первой половины стиха напоминает барочную форму сонета с выдвижением определенных строк в строфах. Во второй половине стихотворения, состоящей из равномерных строф (из 4–6 строк) есть квазицитаты из других стихотворений Айха: «Das ist mein Zimmer»; «Das ist mein Vorteil» [9, S. 712]. Описывается комната, являющаяся одновременно рабочим кабинетом писателя. Все, что в ней находится – столы, стулья, подоконник, коробки, чемодан, пол, – служит для размещения книг и рукописей. Только одному хозяину известно, где что лежит, он движется среди знакомых ему предметов, но у него, как и у Айха, есть и опыт их утраты (см.: [3, с. 171–172]).

Стихотворение Роберта Гернхардта, написанное через 10 лет после Драверта, «Инвентаризация 1996, или я показываю Айху свое царство», создано в наши дни и является литературной пародией на криптосонет Айха.

Но «Инвентаризация 1996...» Гернхардта – такая пародия, которая совсем не иронизирует по поводу содержания или формы оригинала. В то время как стихотворения-инвентаризации Айха и Калеко порождены войной, лирика Рюма, Драверта, Гернхардта связана с мирным настоящим. В стихотворении Гернхардта – другое время, другие вещи, но при этом форма пародируемого стихотворения Айха передана почти без изменений. Скорее, Гернхардт слегка иронизирует по поводу новой ситуации, когда поэт связан с новыми технологиями и карандаш и записную книжку заменили компьютер, принтер, телефон с автоответчиком и другие новые средства коммуникации (см.: [3, с. 173–174]).

Dies ist mein Schreibtisch,
dies ist mein Drehstuhl,
hier mein Computer,
darunter der Drucker.

Telefonanlage:
Mein Hörer, mein Sprecher.

After the beep
you can leave the message.

Sie können die Nachricht
natürlich auch faxen.
Ich ruf sie so bald wie
möglich zurück.

Im Hängeschränk sind
die Korrespondenzen
und einiges, was ich
niemand verrate,

sonst kostet dies Wissen
noch mal meinen Kopf.
Der Kelim hier liegt
zwischen mir und den Dielen.

Das Kopiergerät dort
ist mir am liebsten:
Tags kopiert er die Texte,
die ich nachts getippt.

Dies ist mein Notizbuch,
dies sind meine Tagebücher,
dies ist meine Bibliothek,
dies ist mein Reich [13, S. 89].

«Это мой письменный стол, / это вращающееся кресло, /
здесь компьютер, / под ним – принтер. // Телефон с автоответчи-
ком: / Запись, ответ: / “После гудка / Вы можете оставить свое со-
общение”. / Вы можете, конечно, / послать сообщение и факсом. /
Я перезвоню Вам сразу, / как только смогу. // В подвесном шкаф-
чике – / корреспонденция / и нечто, о чем я / никому не скажу, //
иначе это снова / может стоять мне головы. / Коврик лежит / между
мной и полом. // Тот копировальный аппарат / я люблю больше
всего: / днем я копирую на нем тексты, / которые ночью набираю

на клавиатуре. // Это моя записная книжка, / это – дневники, / это моя библиотека, / это мое царство».

В стихотворении все упоминаемые предметы связаны с деятельностью писателя. Они более удобные и комфортные, чем во времена Айха, но и здесь есть некие тайные вещи, о которых автор лишь кратко упоминает: приватная корреспонденция и записная книжка, дневники и библиотека – необходимые составляющие труда писателя.

«Уединенный дом» из книги «Шрифт для слепых» (1964) Ханца Магнуса Энценсбергера – самый первый отклик на «Инвентаризацию» Г. Айха, что подтверждается посвящением ему в эпиграфе. Айх, как и Энценсбергер, входил в «Группу 47». В стихотворении Энценсбергер описал свой дом в Норвегии, в котором он чувствовал себя достаточно удаленным от социальной турбулентности Европы 1960-х годов. Но, подобно тому как Айх в американском лагере для военнопленных, где была написана «Инвентаризация», проводит инвентаризацию вещей и мыслей немецкого солдата сразу после войны, так и Энценсбергер в период Карибского кризиса размышляет о возможности существования после атомной войны.

когда я просыпаюсь
мой дом молчит.
только птицы щебечут.
я выглядываю из окна
никого. здесь

не тянутся мимо дороги.
не протянута проволока в небе
и нет проволоки в земле.
спокойно лежит все живое
под лезвием топора.

я ставлю воду
я нарезаю хлеб.
с нетерпением нажимаю
красную кнопку
маленького транзистора

«карибский кризис...стирает белее
и белее и белее...
готовность № 1... третья степень...
that's the way I love you...
ценные бумаги снова в цене...»

я не берусь за топор.
я не разбиваю прибор на куски.
зловещие голоса
успокаивают меня, я слышу:
мы все еще живы.

мой дом молчит.
я не знаю, как ставят ловушки
и как делать топор из кремня,
когда последнее лезвие
ржавчина съест [8, с. 24].

Молчание дома свидетельствует не об идиллии жизни в удаленном месте, а о напряженности ожидания мирного разрешения кризиса («спокойно лежит все живое / под лезвием топора»). Политические новости из транзистора перемежаются рекламой стирального порошка и новостями с биржи. Лирический герой плохо представляет себе перспективу жизни в качестве Робинзона во второй половине XX в. («я не знаю, как ставят ловушки / и как делать топор из кремня»). Мотив робинзонады как вынужденного одиночества героя, отторгнутого обществом, найдет отклик в немецкой поэзии того времени (Карл Кролов, Кирш Райнинг и др.).

Отличие инвентаризации Энценсбергера от инвентаризации Айха состоит в том, что у Айха герой перечисляет свой инвентарь, готовясь к миру. Герой Энценсбергера при всей видимости мира (молчание дома) в послевоенной Европе ощущает себя накануне потенциальной войны. Его инвентарь сведен к минимуму (дом с окном, за которым щебечут птицы; вода на плите, хлеб, транзистор, топор). Он перечисляет и то, чего нет (нет людей снаружи, нет дорог, нет проволоки, нет ловушек на птиц или зверя, но нет и ярости: «я не берусь за топор»), остается лишь напряженное ожидание исхода кризиса.

«Плач по яблоку» (1964), который Энценсбергер определяет как «элегию» (Nänie), представляет в жанровом отношении собой контаминацию элегии и инвентаризации. Как и «Инвентаризация» Айха, «Плач» апеллирует к довоенному «потерянному раю» и написан в примитивистском стиле стихотворений Вайнера, Айха или Маши Калеко.

здесь было яблоко
здесь стоял стол
здесь был дом
здесь был город
здесь лежала страна.

это яблоко там
это наша земля
прекрасная планета
на которой росли яблоки
и едоки яблок [8, с. 33].

В стихотворении используется принцип восходящей градации (яблоко, стол, дом, город, страна, земля, планета). Но прошедшее время указывает на ситуацию после «изгнания из рая», под которым понимается сад («прекрасная планета»), где жили в своих домах и странах на планете Земля люди, которые по неуказанной причине (катастрофа или война) его утратили.

«Что является моралью лирики Энценсбергера? Она называется “счастьем”. А что есть у него идея? Она называется “утопией”» [15, S. 18], – считает Г.Е. Хольтхузен. При склонности Энценсбергера к утопическим картинам, он поэт, который после войны одним из первых вернул политику как тему в поэзию. И определение «яростный молодой человек» (zorniger junger Mann [15, S. 18]), которое он получил незамедлительно, сразу же после выхода первого сборника стихов, относится в первую очередь к его гражданской позиции, к его отношению к общественным и политическим проблемам своего времени. А это, прежде всего, ядерная угроза, о которой он предупреждает в своих стихотворениях.

«Инвентаризация» Айха остается хрестоматийным стихотворением не только потому, что задела чувствительную струну

своего времени, но и потому, что выразила важные проблемы для поэта любой эпохи. Поэтому так важно было найти те претексты (Вайнер, Вайнхебер, Нибельшютц, Маша Калеко), которые были переосмыслены и переработаны поэтом для создания этого произведения. Кроме того, Айх нашел такие метапоэтические средства, которые были использованы поэтами последующих поколений (Рюм, Драверт, Гернхардт, Энценсбергер), откликнувшихся на стихотворение Айха, проводя вторичную, или метаинвентаризацию своих поэтических средств.

Список литературы

1. *Андреюшкина Т.Н.* Стихотворение-инвентаризация в поэзии Ж.Превера, М. Калеко, Г. Айха и Р. Гернхардта: сопоставительный анализ // Вестник Пермского университета. 2014. № 3. С. 154–160.
2. *Андреюшкина Т.Н.* Стихотворение-инвентаризация как поэтологический каталог // Миргород. 2019. № 2(14). С. 61–77.
3. *Андреюшкина Т.Н.* Стихотворение-каталог в немецкоязычной поэзии XX века. М.: Инфра-М, 2022. 225 с.
4. *Балашова Т.В.* Французская поэзия XX века. М.: Наука, 1982. 410 с.
5. *Бёль Г.* Франкфуртские лекции // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / сост. Р.А. Гальцева. М.: Политиздат, 1991. С. 310–335.
6. История литературы ФРГ / отв. ред. И.М. Фрадкин. М.: Наука, 1980. 687 с.
7. *Лившиц Ю.* «Инвентаризация» Г. Айха. URL: <https://poezia.ru/works/150998> (дата обращения: 12.07.2023).
8. *Энценсбергер Х.М.* Головоломка: стихотворения и проза / пер. с нем. В. Куприянова. М.: ОГИ, 2019. 192 с.
9. *Deutsche Gedichte* / hrsg. von B. Wiese. Berlin, 1993. 799 S.
10. *Deutsche Lyrik: in 10 Bdn* / hrsg. von W. Killy. München: DTV, 2001. Bd. 9. 504 S.
11. *Drügh H.* Ästhetik der Beschreibung. Poetische und kulturelle Energie deskriptiver Texte (1700–2000). Tübingen: Francke, 2007. 354 S.
12. *Eich G.* Gesammelte Werke. Frankfurt a. M., 1991. Bd. 1. 240 S.
13. *Gernhardt R.* Reim und Zeit. Gedichte. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005. 175 S.
14. *Jüngste tschechische Lyrik: Eine Anthologie* / hrsg. von Franz Pfemfert. Berlin-Wilmersdorf: Verlag der Wochenschrift Die Aktion, 1916. 120 S.

15. Über H.M. Enzensberger / hrsg. von J. Schickel. 3. Aufl. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1973. 306 S.
16. *Vogt J.* Erinnerung, Schuld und Neubeginn. Weltkrieg und Holocaust. Oxford: Lang, 2014. 765 S.

References

1. Andreyushkina, T.N. "Stikhotvorenie-inventarizatsiya v poehsii J. Prevera, M. Kaleko, G. Aikcha i R. Gernhardta: sopostavitelnyi analiz" ["Inventory-poem in the Poetry of J. Prever, M. Kaleko, G. Eich and R. Gernhardt: A Comparative Analysis"]. *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 3, 2014, pp. 154–160. (In Russ.)
2. Andreyushkina, T.N. "Stikhotvorenie-inventarizatsiya kak poetologicheskii katalog" ["Inventory-poem as a Poetological Catalog"]. *Mirgorod*, no. 2(14), 2019, pp. 61–77. (In Russ.)
3. Andreyushkina, T.N. *Stikhotvorenie-katalog v nemetskoyazychnoi poehzii XX veka* [*Poem-catalog in the German Poetry of the 20th Century*]. Moscow, Infra-M Publ., 2022, 225 p. (In Russ.)
4. Balashova, T.V. *Frantsuzskaya poehziya XX veka* [*French Poetry of the 20th Century*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 410 p. (In Russ.)
5. Böll, H. "Frankfurtskie lektzii" ["Frankfurt Lectures"]. *Samosoznanie evropeiskoi kultury XX veka. Mysliteli i pisateli Zapada o meste kultury v sovremennom obshchestve* [*Self-consciousness of European Culture of the 20th Century. Thinkers and Writers of the West about the Place of Culture in Modern World*], comp. R.A. Gal'tseva. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 310–335. (In Russ.)
6. *Istoriya literatury FRG* [*Literary History of FRG*], ed. I.M. Fradkin. Moscow, Nauka Publ., 1980, 687 p. (In Russ.)
7. Livshiz, Yu. "Inventarizatsiya G. Aicha" ["Inventory of G. Eich"]. Available at: <https://poezia.ru/works/150998> (date of access: 12.07.2023). (In Russ.)
8. Enzensberger, H.M. *Golovolomka: stikhotvoreniya i proza* [*Puzzle: Poems and prose*], transl. V. Kupriyanov. Moscow, Press Publ., 2019, 192 p. (In Russ.)
9. *Deutsche Gedichte*, hrsg. von B. Wiese. Berlin, 1993, 799 S. (In German)
10. *Deutsche Lyrik*: in 10 Bdn, hrsg. von W. Killy. München, DTV, 2001, Bd. 9, 504 S. (In German)
11. Drügh, H. *Ästhetik der Beschreibung. Poetische und kulturelle Energie deskriptiver Texte (1700–2000)*. Tübingen, Francke, 2007, 354 S. (In German)
12. Eich, G. *Gesammelte Werke*. Frankfurt a. M., 1991, Bd. 1, 240 S. (In German)

13. Gernhardt, R. *Reim und Zeit. Gedichte*. Stuttgart, Philipp Reclam jun., 2005, 175 S. (In German)
14. *Jüngste tschechische Lyrik*: Eine Anthologie, hrsg. von Franz Pfemfert. Berlin-Wilmersdorf, Verlag der Wochenschrift Die Aktion, 1916, 120 S. (In German)
15. *Über H.M. Enzensberger*, hrsg. von J. Schickel. 3. Aufl. Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1973, 306 S. (In German)
16. Vogt, J. *Erinnerung, Schuld und Neubeginn. Weltkrieg und Holocaust*. Oxford, Lang, 2014, 765 S. (In German)